
«СКАНДАЛ ЯСПЕРСА» И «ПРОТИВОРЕЧИЕ ФИШЕРА» КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ 1960-Х ГГ.

Д.В. Шмагин

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Автор рассматривает первые значимые историко-политические дебаты послевоенного периода, затронувшие наиболее острые проблемы существования ФРГ и ее исторического наследия. Анализируется их влияние на историческое сознание граждан и на общественно-политическую жизнь в Западной Германии.

Ключевые слова: ФРГ, Карл Ясперс, Фриц Фишер, «историческая политика».

Важными тенденциями конца 1950-х гг. в ФРГ являются многочисленные пессимистические оценки политической истории. Например, журналист Норберт Тоннис в своей книге о десяти годах послевоенной истории, привлекшей много внимания в 1959 г., использовал метафору «Час ноль», обозначающую начало истории послевоенной Германии и полный разрыв с прошлым. Им также была предпринята попытка описать ФРГ как государство без исторического прошлого (см.: [15]).

Видный немецкий исследователь Альфред Хойс в 1959 г. говорил об опасности «потери истории» [11. S. 5], вводя это понятие в научный оборот.

Также часто ставился вопрос о формулировании западногерманской идентичности, что с большой вероятностью повлекло бы за собой разрыв в политическом самосознании и исторической непрерывности. В связи с этим министр юстиции Германии Томас Делер с сожалением отмечал: «Германия как идея исчезла, а как воля парализована?» [16. S. 222].

Исследователи отмечали наличие полного разрыва с предыдущей политической историей и пытались найти основания для начала формирования нового образа государства.

Ученые и публицисты выявляли кризисные точки немецкого национального самосознания. Все они указывали на то, что молодое поколение больше не находит связей с нацией и народом, чувствуя опасность в национальном и стремясь относить себя к «общеевропейскому», что ставило под угрозу дальнейшее существование немецкой нации как особой исторической общности. На этом фоне вопрос первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка о существовании немецкого национального самосознания звучал еще актуальнее, чем прежде.

Возрождение национального сознания казалось исключительно сложной задачей ввиду общего недовольства развитием истории: Первая мировая война, создание Веймарской республики, приход к власти нацистов, Вторая мировая война и последующее разделение поверженной Германии.

Кризис исторического мышления — всестороннее явление, приведшее к появлению новых философских концепций. Согласно представителю одной из них, Карлу Попперу, в «открытом обществе единой истории нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни» [2. С. 312]. Сущность этого подхода состоит в рассмотрении исторических событий как самодостаточных, без их связи с прошедшим и будущим [1. С. 76]. В Германии подобные тенденции усугублялись немецкими особенностями. Коренное отделение от немецкой традиции XIX в., опыт XX в. и комплекс «нацистского прошлого» воздвигли «стену вины» (см.: [10]) перед всей немецкой историей, уничтожив ощущение непрерывности социально-политического бытия.

В склонности к забвению памяти о «третьем рейхе» Моммзен и многие другие видели не только недостаточную откровенность, но и неизбежное обстоятельство «естественного процесса восстановления» [6. S. 100]. Однако его длительность оказывала неоднозначное воздействие на состояние демократического общества, так как большинство граждан ФРГ предпочитали не вспоминать о прошлом и соответственно не задумываться о признании или непризнании вины. Согласно распространенному мнению, подъем нацизма был следствием ослабления исторического сознания в 1920-е гг., проблема «антиисторизма» и «аисторизма» вновь заострялась перед новыми вызовами противостояния тоталитарным режимам. Только через формирование нового историко-политического сознания можно было успешно противостоять коммунистической идеологии.

Широкие «споры о потере истории» на протяжении 1950-х и начала 1960-х гг. были показательны при поиске новых идеалов и ориентиров в ФРГ. Этот поиск свидетельствовал о сильной неопределенности в обращении с прошлым, в частности с исторической непрерывностью и историко-политическим образом государства. Историческая непрерывность носит перманентный характер, а историко-политический образ, напротив, формируется из актуальных интерпретаций [8. S. 30]. В контексте двух сменяющих друг друга ключевых споров 1960-х гг., которые не только изменили расстановку общественных сил, но и ускорили перемены в сознании и окончательно сформировали образ мышления, впервые коренным образом изменивший дискурс самопонимания и образ немецкой истории в ФРГ. Первым является «скандал Ясперса», который начался незадолго до строительства Берлинской стены, вторым историографическое «разногласие Фишера».

Начало «скандала Ясперса» летом 1960 г. был характерен для политической обстановки того времени. Ясперсом был нарушен крепчайший негласный запрет, существовавший в ФРГ. В подробном интервью, транслировавшемся по немецкому телевидению в рамках серии передач «Из первых рук», которое увидели около 6 миллионов зрителей, Ясперс постулировал главенство свободы перед воссоединением и «считал философски и политически нереальной идею исторического оправдания воссоединения Германии» [4. С. 9]. «Нет более смысла пропагандировать воссоединение Германии, но имеет смысл только то, что желают наши соотечественники — они должны быть свободны» (цит. по [16. S. 226]). Империя Бисмарка безвозвратно утрачена. «Только свобода — вот что имеет значение. Воссоединение, напротив — безразлично» (цит. по [16. S. 226]). То, что

национально-государственное единство имело значение в XIX в. и однажды получило большой шанс, уничтожено «третьим рейхом». Западным немцам остается только на публичном уровне требовать свободные выборы для восточных немцев, чтобы было определено, чего хотят люди на Востоке» (цит. по [16. S. 226]).

Интервью вызвало собой незамедлительную протестную реакцию. Ясперса обвиняли в национальной измене. В течение последующих пяти недель газета «Ди Цайт» печатала подробные размышления философа под названием «Свобода и воссоединение» (см.: [5]). Его тезисы яростно оспаривались, а серию статей сопровождал шквал отзывов.

Мысли Ясперса можно разделить на несколько направлений. Первая носит историко-политический характер: по словам самого мыслителя, даже при желании немцы не смогут «преодолеть прошлое», но они должны нести ответственность за то, что произошло при Гитлере. Последствием ответственности за прошлое, согласно Ясперсу, должно быть осознание того, что право на немецкое национальное единство утрачено Гитлером. Это вело к пересмотру основных взглядов на немецкую историю, в особенности взглядов на Германскую империю.

Мнение Ясперса о созданном в 1871 г. Втором рейхе Бисмарка было сокрушительным. Единство земель было достигнуто ценой полной утраты политической свободы, которая могла быть вновь восстановлена только в 1918 г., но уже только как формальный институт.

С нескрываемой грустью Ясперс говорил о провале революции 1848—1849 годов в Германии: вместо демократического национального государства, основанного на самосознании граждан «снизу», «сверху» была совершена реакционная прусская революция, проложившая роковой путь.

Вторая содержит тезисы Ясперса в отношении немецкой политики: исходя из чего немецкий народ, всегда являвшийся больше чем немецкое государство, должен был получить право восстановления немецкого единого государства? Он напомнил: голландцы, фламандцы, швейцарцы, эльзасцы и австрийцы когда-то входили в состав Германской империи, но никто уже не смел серьезно полагать, что они снова войдут в будущее немецкое государство. Почему же это должно относиться к немцам, проживающим восточнее рек Верра и Эльба?

Упреки в адрес Ясперса обосновывались на том, что отказ от воссоединения означал предоставление 17 миллионов восточных немцев на произвол судьбы. Гипотеза Ясперса о свободном немецком государстве на Востоке сводилась для ГДР к австрийскому варианту решения.

Для Ясперса политическая свобода означала абсолютное, а воссоединение, напротив, — только относительное требование. Воссоединение и свобода не были противоположенными, но отделимыми друг от друга целями. По мысли Ясперса восстановление немецкого национального государства вообще не достойно стремления: любое решение германского вопроса — это безоговорочное примирение с границей по Одере-Нейсе [16. S. 227].

При протесте против тезисов Яспера немецкая общественность представляла собой редкую картину полного согласия. Фракция Бундестага ХДС/ХСС немец-

ленно пояснила, что как и прежде неотъемлемой целью ее политики является воссоединение. В сообщении пресс-службы СДПГ член партии Адольф Арндт заявлял, что без воссоединения свобода будет недостижима для восточных немцев. Более того, если бы Запад отказался от требований к воссоединению, то во всей Германии стали бы набирать популярность коммунистические взгляды. СЕПГ могла выдвинуть требования единства, и тем самым тема воссоединения стала бы монополией ГДР и ее политическим оружием.

Похожее заявление было сделано «Кураторией неделимой Германии — комиссией по вопросам воссоединения» (Kuratorium Unteilbares Deutschland — Ausschuss für Fragen der Wiedervereinigung e.V.) [16. S. 228]. СЕПГ также заявляла, что «философ атомной войны» Ясперс поддерживает милитаризм ФРГ, имея в виду отстаивание мыслителем атомного оружия как средства защиты свободы Запада.

Письма читателей и комментарии в западногерманской прессе категорически отвергали тезисы Ясперса. Спор завершился обвинением, что Ясперс увидел «смысл истории» в политике вины и покаяния [5].

Самые яростные критики Ясперса происходили из рядов традиционных политиков, придерживавшихся воссоединения. Примечательно, что со стороны первого федерального канцлера Конрада Аденауэра (ХДС), министра иностранных дел Генриха фон Брентано (ХДС) и министра обороны Франца Йозефа Штрауса (ХСС) не последовало никаких комментариев на протяжении всего спора [16. S. 228].

В 1960 г. в центре спора находился вопрос временного состояния Федеративной республики, все больше ставившийся под сомнение консерваторами. Не случайно в самый разгар скандала либералы произвели атаку на ХДС, с тревогой предвидя тот день, в который «факт упоминания Федеративной республики как временного явления станет преступлением в измене родине в Западной Германии» [16. S. 228], так как уже с 1959 г. со стороны ХДС предпринимались различные стремления по развитию среди населения чувства уважения к Федеративной республике.

Эта тема получила заметное развитие в последовавшем разногласии «Отечество — Федеративная Республика», которое начало разгораться через несколько недель после «скандала Ясперса». После того, как в июле 1960 г. федеральный канцлер Конрад Аденауэр выразил тревогу в связи с отсутствием национального чувства немцев, прозападные политики из ХДС пытались призвать к любви отечества и нации.

Они говорили о Федеративной Республике как об «истинном отечестве», отвергая при этом ее временный характер. Сторонники окончательного состояния Федеративной республики главным образом ссылались на фактор свободы. Их аргументация звучала так: тот, кто не признает ФРГ как окончательную, стоит вместе с теми, кто хотел бы покончить со свободой.

Спор усилился, когда вице-президент Немецкого Бундестага Томас Делер (СвДП) выступил против поддерживающих ФРГ и открыто заявил: «Федератив-

ная Республика, Рейнский Союз, Рейнская Республика не являются немецким отечеством» (цит. по [16. S. 229]). Федеральный министр по вопросам семьи и молодежи Франц-Йозеф Вуермелинг (ХДС), один из самых настойчивых про-тагонистов «республиканизации» под знаком консерватизма, грозил судебными делами против Делера, если не последует немедленный отказ от «одного из самых тяжелых мыслимых оскорблений нашей Федеративной Республики» (цит. по [16. S. 229]).

Очевидно, что консервативные приверженцы федерально-республиканской политической сознательности были нацелены на политический и общественный статус-кво ФРГ, достижения которой ставились в центр. Демократия канцлера служила идеальной формой для превращения бывших «фольксгеноссен» в граждан ФРГ. Новая опора могла быть найдена в единственном, до сих пор не использовавшемся элементе — гордости по поводу восстановления республики и ее нарастающей экономической мощи. Именно на «экономическом чуде» в значительной степени основывало свои позиции движение «Отечество — Федеративная Республика».

Окончательное состояние Федеративной Республики было невообразимо для критиков со стороны социал-демократической и либеральной оппозиции. Этим пренебрегалось не только назначение Основного закона, но и нарушалась сплоченность немецкого народа, а теория существования двух государств отдавалась в распоряжение СЕПГ.

Боннское временное состояние становилось несомненной обременительной проблемой, прежде всего для политиков консервативного лагеря. Постулату временного состояния была присуща динамика, без которой невозможно представить начало 1960-х годов. Только в ФРГ, так видели это критики консервативных обновленцев, продолжала существовать нация с ее историей, в то время как коммунистическая система нарушила эту непрерывность, заменив нацию пролетариатом, а историю — историческим материализмом. Эта критика ссылалась на существующий парадокс: Федеративная Республика была больше чем просто временным явлением, временной себя ощущала именно нация; и Федеративная республика будет меньше, если расстанется с временным состоянием и стабилизируется на окончательном статус-кво.

Вместе с тем, отказавшись от наступательной стратегии, она должна была занять оборонительную позицию с нечистой совестью по отношению к нации и ее истории, в которой она, возможно, выглядела бы более ущербно по сравнению с ГДР [16. S. 230].

Считая желательной «бинационализацию» (одна нация в обоих государствах), Ясперс не сомневался, что Федеративная Республика не временное явление, но она придерживается иллюзорной немецкой идеи.

В общественном мнении спор о тезисах Ясперса привел к бесспорной победе традиционного дискурса воссоединения, но эта победа оказалась пирровой. Годом позже, после начала строительства Берлинской стены, она обернулась поражением. Взгляды Ясперса позволили сблизить мышление в западном и восточ-

ном государстве и продолжали обсуждаться, привнеся связующие элементы для новых рассуждений о Германии. После строительства Стены широкая публика смогла принять его интерпретации.

Ответственность за разделение своей страны Ясперс возлагал на немцев, считая это справедливой расплатой за мировую войну, но политические круги не разделяли его позиции.

Если единство было утрачено Гитлером не только в политическом, но и в моральном отношении, останется ли так навсегда? Могло ли национально-государственное единство быть новым требованием молодого поколения? Кроме того, должна ли любая возможная структура государства равняться на империю Бисмарка, являвшаяся для Ясперса неприемлемой?

Никогда ранее с момента становления ФРГ немецкое национальное государство 1871—1945 гг. не находилось под ударом критики. Только «историографическое разногласие Фишера», начавшееся в 1961 г. и усиливавшееся до XIII Международного исторического конгресса 1965 г. в Вене, придало философским поискам научную, эмпирическую сущность.

Концепция Фрица Фишера была решающим шагом к снятию «табу» с темы изучения истории Первой мировой войны в Германии. Это привело к констатации преемственности империалистической политики Германии от вильгельмовских времен через Первую мировую войну ко Второй [3]. «Разногласие Фишера» затрагивало также очень значительные политические взаимосвязи. Оно открывало путь к переосмыслению германского вопроса, тезиса «Особого пути» и «республиканизации» исторических образов.

Начиная с Версальского договора 1919 г. вопрос о вине в Первой мировой войне являлся основой политических разногласий в Германии. Обвинение в военном долге усилило силу влияния Германской империи эпохи кайзера Вильгельма II, миф о которой поддерживался элитой Веймарской республики. Так благодаря эффективному историко-политическому мифу империя смогла претерпеть ревизионистское прославление.

Если Германская империя была невиновна в войне, то в таком случае сложнее оправдать революцию 1918 г., равно как и разрушение режима, чем если бы все силы были направлены на разъяснение населению милитаристской политики прежней власти. Возможности для этого существовали — прежде всего благодаря парламентской комиссии по расследованию начала войны, выводы которой скрывались имперским правительством от обманчивого классового мира [7. S. 103].

После 1945 г. тезис невинности получил совсем иное значение. Особый смысл состоял в том, что он был пригоден для ослабления распространенной в союзнической общественности темы — крайне сильного национализма прусско-немецкой политической истории и ее высокого милитаризма. Поэтому на тезисе невинности строится вся национально-апологетическая конструкция отсутствия непрерывности между империей и «третьим рейхом».

Сознание относительной или абсолютной невинности Германии в Первой мировой войне играло в западногерманском национальном самосознании центральную роль, которая усиливалась тем, что оно не принималось в расчет как причина Второй мировой войны.

Таким образом, в исторической и политической среде, а также у общественности были сформированы представления о невинности. То, что обе катастрофы XX столетия могли бы являться звеньями одной и той же цепи неблагоприятного развития немецкой истории, казалось в Западной Германии невообразимым историко-политическим доводом.

Массивная, разгромная и дискредитирующая критика немецкой профессиональной общественности, а точнее сказать, старого поколения историков [9. S. 125], становится понятной, если развивать «скрытые» послысы Фишера. Он занимался периодом с 1914 по 1918 г., но все же «скрытые послания» затрагивали следующую взаимосвязь: Версальский договор и немецкая кампания реваншизма после 1919 г., популярность Гитлера и военные действия «третьего рейха» против Советского Союза, наконец, поражение 1945 г. и последствия дальнейшего существования национал-консервативного понимания истории для интеллектуальной среды и политической культуры в ФРГ.

С 1871 г. немецкое национальное государство казалось рухнувшей великой державой, таким образом, общепринятое историческое восприятие было лишено основы, что политика силы нацизма возникла от случайного стечения обстоятельств. Этим профессор из Гамбургского университета задел самый чувствительный нерв исторического образа послевоенного общества и бросил вызов общепринятым нормам, которые находились под покровительством известного немецкого историка и общественного деятеля Герхарда Риттера [13. S. 107]. Его историко-политические взгляды об отличии умеренного национализма до 1933 г. и радикального после прихода Гитлера к власти потеряли правдивость. Не случайно во всех рецензиях на книгу отмечалось возможное воздействие книги Фишера на историческое сознание. Риттер, видевший угрозу своей работе, заявил о «национальном бедствии» [14. S. 152].

На политическом уровне федеральное правительство не видело альтернативы. Оно защищало себя в необычайно острой форме от утраты империи как положительной системы координат немцев и применяло различные средства для того, чтобы обуздать неугодного ученого.

Новый федеральный канцлер Людвиг Эрхард в августе 1964 г. убеждал граждан по радио, что в 1914 г. никакое правительство не проявляло сознательной воли к войне [16. S. 233]. Председатель Бундестага Ойген Герстенмайер в своем интервью по радио сделал несколько выпадов в сторону Фишера, утверждая, что немцам итак приходится нести ответственность за преступления Гитлера перед историей. Против «искажения немецкой истории и образа Германии» агрессивно высказался немецкий политик, один из лидеров баварской партии ХСС Франц-Йозеф Штраус. Он вынудил правительство применить все имеющиеся средства и возможности, чтобы моральная вина Германии во Второй мировой войне не была спроецирована на Первую мировую войну. Штраус опасался, что последствием падения тезиса невинности станет очернение образа Германии во всем мире. Из милитаристского, агрессивного и реваншистского образа Германии Восточный блок смог бы извлечь политическую выгоду, так как это вполне соответствовало распространенному в нем историческому образу [12. S. 161].

Обсуждавшиеся в рамках «разногласия Фишера» вопросы находили свое отражение в новых многочисленных оценках германского вопроса. Исследователь консервативного направления, профессор политических наук Эрлангенского университета Вальдемар Бессон в 1963 г. подвел привлекший большое внимание политический итог, который читался как новый вариант тезисов Ясперса 1960 г., но уже не вызывал бури протестов.

По мнению Бессона, тема политического воссоединения несла большую историческую нагрузку.

То, что немецкая нация, политически сформировавшаяся в 1871 г., являлась путеводной звездой мировой политики, не принималось в качестве аргумента. Бессон утверждал, что немцы являлись нацией, созданной на основе общего прошлого, «но никакой принцип не говорит, что нации должны жить в одном государстве» [16. S. 234]. Не только исторические, но также современные политические процессы, а именно ядерное противостояние супердержав, было свидетельством для Бессона против национальных притязаний немцев.

Кроме того, для восточноевропейских народов лозунг воссоединения означал неизбежность немецкого ревизионизма. Как и Ясперс, он также отстаивал принцип различия свободы и воссоединения. Восточные немцы не могли больше пользоваться иллюзорной риторикой воссоединения, а западные немцы должны были развивать свое государственное самосознание. Согласно Бессону, экономическое, политическое и военное укрепление ФРГ создало новые неизменные основы государственного существования. Именно потому, что ФРГ вопреки всеобщим ожиданиям и по сравнению с другими периодами истории Германии достигла большого успеха, «сегодня мы больше не освобождаемся от нее» [16. S. 235].

Непосредственное влияние «разногласия Фишера» на политическую среду было очень сильным и оставалось таковым до начала 1990-х гг. В позиции Фишера заявляла о себе «форма преобразования» историко-политического мышления в Германии, которая быстро занимала свое место в широких слоях ответственности, постоянно влияя на расстановку политических сил в ФРГ.

Сопровождаясь сменой поколений исследователей, прежний национально-исторический образ, служивший своего рода защитой, подвергся коренному пересмотру.

Особый путь Германии как главная концепция немецкого исторического сознания, в котором исключалась общественно-научная непрерывность между 1871 и 1945 гг., стал носить негативный оттенок. Появившееся в 1965 г. исследование англо-германского социолога и политолога Ральфа Дарендорфа «Общество и демократия в Германии» стало важным предвестником на пути к новой интерпретации германского вопроса, в котором автор подчеркивал важность роковых структурных проблем частичной модернизации в Германской империи — так называемой ускоренной индустриализации при сохранении доиндустриального общественного устройства и авторитарных настроений. Разница в новой интерпретации «Особого пути», которая формировалась с середины 1960-х гг. по сравнению с 1950-ми гг., была очевидна. Первоначально она была нацелена на кон-

ституционную демократию и общественный статус-кво. Новый тезис «особого пути», напротив, нацелен на процесс широкой демократизации немецкого общества [16. S. 236].

Но новое представление «особого пути» или момент окончания старого немецкого «особого пути» в 1945 г. содержало важную функцию для немецкого самопредставления. Оно продвигало видимое в отдаленной перспективе новое республиканское и демократическое обоснование ФРГ и впервые исходящий «слева» процесс самопризнания этого государства.

В данном отношении можно по праву говорить о том, что «разногласие Фишера» выделяет решающую границу, на которой христианско-демократические аксиомы немецкой внутренней и внешней политики были заменены социал-либеральными [16. S. 236].

Историко-политический масштаб «разногласия Фишера» выявил также два «исторических» идеальных типа. В первом история несет преимущественно интегративную, национально-политическую функцию, во втором — функцию коррекции унаследованных реабилитирующих идеологем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.В.* Модели истории: социально-антропологический анализ. — М., 2005.
- [2] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. — М., 1992. — Т. 2.
- [3] *Туполев Б.М.* Происхождение мировой войны // Новая и новейшая история. — 2002. — № 4 // URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/WAR11.HTM>.
- [4] *Ясперс К.* Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. — М., 2012.
- [5] *Daniel J.* Da tritt der Philosoph herein // Der Spiegel. — 1960. — № 34 // URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43066539.html>.
- [6] *Das Fischer Lexikon Geschichte* / hrsg. von van Dülmen R. — Frankfurt am Main, 2003.
- [7] *Dreyer M., Lembcke O.* Die deutsche Diskussion um die Kriegsschuldfrage 1918/19. — Berlin, 1993.
- [8] *Forester K.* Gibt es ein deutsches Geschichtsbild? — Würzburg, 1961.
- [9] *Geiss I.* Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft. — Frankfurt am Main, 1974.
- [10] *Heimpel H.* Aspekte: Alte und neue Texte. — Göttingen, 1995.
- [11] *Heuss A.* Verlust der Geschichte. — Göttingen, 1959.
- [12] *Hildebrand K.* Von Erhard zur Großen Koalition. — Stuttgart, 1989.
- [13] *Jäger W.* Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. — Göttingen, 1984.
- [14] *Schwabe K., Reichardt H.* Gerhardt Ritter, ein politischer Historiker in seinen Briefen. — Boppard am Rhein, 1984.
- [15] *Tönnies N.* Der Staat aus dem Nichts: zehn Jahre deutscher Geschichte. — Stuttgart, 1954.
- [16] *Wolfrum E.* Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. — Darmstadt, 1999.

REFERENCES

- [1] Bakhtin, M.V., *Modeli istorii: social'no-anropologicheskij analiz* [The Models of History: Social-Antropological Analysis]. Moscow, 2005.
- [2] Popper, K., *Otkrytoe obshhestvo i ego vragi* [The Open Society and its Enemies]. Moscow, 1992, vol. 2.

- [3] Tupolev, B.M., Proishozhdenie mirovoj vojny [The Origin of the World War]. *Novaja i novejsaja istorija* [Modern and Recent History], 2002, no. 4, Available at: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/WAR11.HTM>.
- [4] Jaspers, K., *Filosofija. Kniga pervaja. Filosofskoe orientirovanie v mir* [Philosophy. Book I. Philosophic Orientation and the World]. Moscow, 2012.
- [5] Daniel, J., Da tritt der Philosoph herein. *Der Spiegel*, 1960, no. 34, Available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43066539.html>
- [6] Das Fischer Lexikon Geschichte / hrsg. von van Dülmen R. Frankfurt am Main, 2003.
- [7] Dreyer, M., Lembcke, O., Die deutsche Diskussion um die Kriegsschuldfrage 1918/19. Berlin, 1993.
- [8] Forester, K., Gibt es ein deutsches Geschichtsbild? Würzburg, 1961.
- [9] Geiss, I., Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft. Frankfurt am Main, 1974.
- [10] Heimpel, H., Aspekte: Alte und neue Texte. Göttingen, 1995.
- [11] Heuss, A., Verlust der Geschichte. Göttingen, 1959.
- [12] Hildebrand, K., Von Erhard zur Großen Koalition. Stuttgart, 1989.
- [13] Jäger, W., Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Göttingen, 1984.
- [14] Schwabe, K., Reichardt, H., Gerhard Ritter, ein politischer Historiker in seinen Briefen. Boppard am Rhein, 1984.
- [15] Tönnies, N., Der Staat aus dem Nichts: zehn Jahre deutscher Geschichte. Stuttgart, 1954.
- [16] Wolfrum, E., Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Darmstadt, 1999.

**“JASPERS’ SCANDAL” AND “FISCHER’S CONTROVERSY”
AS THE CENTRAL ELEMENTS OF THE “HISTORICAL POLICY”
IN WESTER GERMANY OF THE 1960TH**

D.V. Shmagin

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The author considers the first significant historical and political debates of the post-war period which has touched on the most acute issues of existence of Western Germany and its historical heritage. The essay presented the analysis of its influence on the historical consciousness of the citizens and on Germany’s political life.

Key words: FRG, Karl Jaspers, Fritz Fischer, “historical policy”.